

Когда Эфраим учился на третьем курсе факультета археологии, он часто оказывался втянутым в споры своих друзей и одноклассников. Ему неоднократно присуждался ярлык отличника и что точно "выживет до конца" на курсе, но также это сопровождалось и утверждением "такая потеря". То, что началось примерно с трехста студентов, постепенно сокращалось с течением лет, оставляя выжившим студентам сомнения и неуверенность в том, должны ли они следовать за своими друзьями, которые ушли или же нет.

Эфраим предполагал, что Люциан уйдет. В конце концов Люциан не имел никакого интереса к археологии, и был парнет который просто плыл по течению. Когда Эфраим изучал археологию, Люциан был в постоянной борьбе, разрываясь учиться ли в колледже или нет. Конечно, он мог это сделать. Люциан учился в самом престижном университете наравне с Гарвардским. Университете Высокого Востока. Но его семья также были богаты, так что он мог просто уйти чтобы унаследовать их бизнес вместо того, чтобы продолжать учебу. Но, с другой стороны, Люциан не был похож на наследника конгломерата.

Время от времени Эфраим рассказывал Люциану о своем увлеченности артефактами, реликвиями и тому подобным, а Люциан несмотря на то, что у него были свои интересы, все равно слушал Эфрайма. Это была чистая дружба. Поэтому, когда Люциан решил заняться археологией, Эфраим решил, что он просто неуверенный.

– Сделай свой собственный выбор, Люций. – Говорил Эфраим. – Я ведь знаю, что это тебя не интересует,

А Люциан просто отвечал, – кто тебе сказал, что это не мое решение?

В течение нескольких лет Люциан думал, что их дружба была основана простым актом доброты (или ответственностью лидера студенческого совета Эфрайма, помогающим студентам, которые были неуверенными), а затем в конечном итоге сформировалось в братские узы, в которые были вовлечены даже их родители и семьи. Это была одна из причин, по которой Эфраим пришел к выводу, что Люциан был достаточно дружелюбен, просто он был застенчив (и имел вид чудака).

Иногда люди предполагали, что Эфраим и его семья подружились с Люцианом из-за его денег (смешно, правда), но опровержение Люциана всегда было опрокидывающим вопросом. "Эфраим относиться ко мне как к другу?" А Эфраим же отвечал с сарказмом, спрятанным за его обычной улыбкой. И наоборот, люди также считали, что Люциан не подходил на роль друга Эфрайма. Он был, в конце концов, весь мрачный и стремный. Эфраим считался приветливым, дружелюбным и красивым. Хотя Люциан тоже неплохо смотрелся, аура, которую он излучал, пугала людей.

Эфраим во многом считался всезнающим почти совершенным, люди любили обращаться к

нему. Он был крайне образованным. Хороший парень. Лидер. Благожелательным. Он был наглядным примером совершенства. Он не только превосходил других в учебе, но и обладал добрым сердцем (волонтерские задания в средней школе произвели на них такое впечатление), и прежде всего, он выглядел симпатичным для многих девушек. Но для Люциана, Эфраим был кем-то, кого можно назвать обманчивым, манипулирующим, интриганом, хитрым козлом. Ведь Эфраим мог контролировать все с помощью простой улыбки.

Люциан чаще всего думал, что Эфраим Игнасио Хьюз был таким безупречным. Но когда он познакомился с ним поближе, то понял, что его друг был всего лишь... человеком.

Человек.

Эфраим размышлял над этим словом. Что значит быть человеком? Была ли это способность решать сложные загадки? Расшифровать основополагающие шифры? Или он был вершиной пищевой цепи?

Что же делало его человеком?

Теперь он говорил, как его бывший профессор, тот, который всегда носил лабораторные халаты и даже не подходил для того, чтобы быть профессором с его вялым преподаванием - профессором Освальдом. Человеком, который направил его на Андромеду. Человеком, который отодвинул все его планы на Каир. Человеком, который всегда был учителем, что преподавал таким монотонным, невзрачным способом.

Но опять же... что делало его человеком?

- Знаете ли вы вопрос который часто задаются философы? - Спросил Освальд на одном из своих скучных трехчасовых лекций. Эфраим изо всех сил пытался держаться и не спать, и именно этот вопрос не дал сомкнуть ему глаза.

Что же делает нас людьми? - Говорил профессор Освальд. - Пять баллов тому, кто сможет ответить на этот вопрос... хотя, нет. Должны ответить все.

Тот кто даст лучший ответ будет освобожден от следующего теста.

Нелепо. Это была первая мысль Эфраима. Этот вопрос затрагивал многие отрасли науки и философии, так что было бы невозможно даже прийти к конкретному ответу. Спектр был слишком широк. Ответы, очевидно, будут оцениваться исходя из личных предпочтений Освальда.

- Да, Фелиция, - сказал Освальд девушке, что подняла руку, чтобы ответить.

Фелиция Беверли. Одна из лучших учениц в классе.

Она улыбнулась, – люди эволюционные создания, что произошли от ранних гоминидов и приматов, таких как шимпанзе. Они образуют сложный язык, культуру и общество.

– Верно, – монотонным тоном произнес Освальд. – Но это определено из учебника. Садись.

Студенты начали поднимать руки в попытках дать ещё несколько ответов, начиная от философии, биологии, социальных наук и антропологии. Но ни один из этих ответов не смог удовлетворить Освальда к "лучшему" ответу.

– Послушайте, все, что вы сказали, очень технично. Это то, что вы можете найти в сети. Перефразировано вашими собственными устами. – Монотонно произнес он. – Хмм. Давайте посмотрим, что у нашего лучшего студента есть в рукаве. Хьюз,

Эфрайм резко оторвался от своих мыслей. Он прокручивал в голове «Перси Джексона и море чудовищ» он был на той части, где они были на Бермудах. Он встал, а затем выпалил ответ, который пришел ему в голову.

– Быть человеком, – сказал он, – значит чувствовать.

– Хоох, – глаза Освальда сузились. – Ты хочешь сказать, что животные не могут чувствовать?

– Нет, сэр, – произнес Эфрайм. – Я говорю про способность испытывать более сложные чувства. Быть человеком значит чувствовать боль и ещё...

– Садись. – Сказал Освальд, прищелкивая языком. – Тск. Какое разочарование. Минус за нехватку эмпатии, Хьюз. Я думал, что ты найдешь свой ответ, но ты этого не сделал.

– Сэр...

– Проснись, – отрезал Освальд, оборвав Эфрайма на полуслове. – Или ты окажешься мертвым. И ПОМНИ, на этот раз не разочаруй меня, Хьюз!

Глаза Эфрайма широко распахнулись, а затем, уже полностью придя в себя, он закашлялся от песка во рту. Что это было? Сон? Нет, стоп. Все начиная от пламени до разгадки надписи начало всплывать из его сознания. Он все еще был в лохмотьях и ожогах, что значило, что он выжил.

Но где же он был?

Подняв голову, Эфрайм смог лицезреть это зрелище.

Перед ним была большая дверь... нет... она была слишком огромной, дверной проем высотой с башню. Эфраим встал и направился к закрытой двери. Это место было особенно ярким, пейзаж слишком похож на тот, что описан в книге «Арабские ночи». Место сродни историческим достопримечательностям на Ближнем Востоке. Как некий дворец, расположенный в Персии.

В дверях был большой золотой дракон с эмблемой солнца и символикой, это светилось, преднамеренно. Эфраим моргнул. Металлическая чешуя дракона мерцала, когда он непрерывно двигался со своего места, открывая пасть и повторно наклоняя свою золотую голову вперед.

- Какого... черта здесь...

Дракон открыл пасть и раскрыл нечто похожее на замочную скважину в конце своего золотого отверстия.

И в этот момент Эфраим вспомнил о ключе в кармане, который он достал, расшифровав криптекс. Без особого скептицизма он прижал ключ к скважине. И когда он повернул замок, ключ слился с самим драконом.

А затем, как бы странно это ни выглядело, металлическая золотая рептилия медленно ожила, она все еще была золотой, но теперь ее глаза горели, и на них появились клыки. Он сливался с дверью, но это не делало его менее пугающим.

- Воин, - сказал он, его голос разносится по всем углам пространства сильным, ужасающим шумом. - Это вход в покои, хранящие сосуд Вахида. А теперь скажи, что делает ЧЕЛОВЕКА таким, как ты... достойным?

<http://tl.rulate.ru/book/43968/1106591>